

– Он поцеловал меня, – говорит она. – Я не знала, как тебе рассказать...

Муж ворочает чашку по часовой. У них на кухне так много света.

– Помнишь, я ездила в Китай. – Она больше не улыбается. – На лето. Это было всего один раз...

Фарфор раскручивается по часовой. Муж думает о колоколе без языка.

– Мы тогда уже почти год, как с тобой встречались. Я не хотела, но он поцеловал меня...

Тоня смотрит в пол. Она нарезала яблоки. Нож пахнет металлом, а яблоки пахнут ничем. На вкус они похожи на полиэтилен. Неприятно спине. Тоня прислонилась – в столешницу встроена плита. Столешница врезается в позвоночник.

– Да.

Муж произносит это, но Тоне непонятна интонация. Она не пахнет металлом. Она не похожа на яблоки, но напоминает полиэтилен.

Чашка движется по часовой. Если раскрутить ее сильнее, то она завертится на ребре. Если прислонить ее к уху, то можно услышать звук раковины.

– Я ему сказала, что у нас ничего не будет, потому что я не одна...

Если открыть кран, в раковину льется вода. Если приложить к уху – в раковине будет море.

– Но тот китаец поцеловал меня. Он влюбился... Я сразу ушла. Больше мы никогда не виде-

лись. Мне тогда было, кажется, девятнадцать... Да...

Тоня неподвижна. Ее зрачки быстро движутся из стороны в сторону, и кажется, будто она читает что-то на стене.

– Я не хотела, – говорит Тоня. – Этот китаец взял и поцеловал меня...

Ее плечи начинают мелко трястись. Свет ослепляет. Лампы – шесть в люстре и шесть на шнурах под потолком. Муж пытается вспомнить, какая у них мощность.

– Тогда мне было девятнадцать. Теперь мне тридцать два, – вздрагивает Тоня. – Все это так давило...

Сначала ей стягивает горло. Потом вода. Тонкие струйки стекают к подбородку и что-то хлюпают, когда Тоня пытается утереть их. Рот корчится. Наморщен лоб, и, наверное, будут морщины.

– Мне было перед тобой так стыдно, вот и все...

Некоторое время у нее не получается говорить.

– Вот и все...

– Ничего, – говорит муж.

И снова Тоня не может определить интонацию. Это что-то белое. Как нагретый пластик во рту.

– Завтра рано вставать, – говорит муж.

– Да-да... – Налив воду, Тоня быстро пьет.

Дрожь все не отступает. Наконец у нее получается высморкаться, прижав к носу салфетку. Намокшая бумага липнет к пальцам, но она не замечает.

– Ты ложишься... – тихо говорит она. – Я буду еще собираться. Мне надо собираться...

– Успеешь.

Тоня снова пьет. Но этот вкус, теплый пластмассовый вкус никуда не уходит.

– Сколько еще нужно всего... – Пластик налип на языке. – Я составила список. Ты иди...

В спальне темно. Беззвучно работает телевизор. Кровать в отблесках синего кажется совсем пустой. Укрывшись одеялом, муж слышит, как Тоня переключает вещи за стеной. Он закрывает глаза и лежит, прикрыв подушкой голову. Иногда Тоня заходит к нему и тихо достает что-то из шкафов.

У нее новые футболки. Кажется, Levi's...

Сквозь потную ткань сна почти не слышен ее голос.

Муж просыпается от будильника, но подушка рядом пуста.

– Так... На завтрак у нас каша, – говорит Тоня, когда он заходит на кухню. – Сейчас тебе наложу. Кофе будешь?

– Ты ложишься?

– Да-да... – Она поливает овсянку медом. – Что тут у нас? А!

Нарезка бананов на разделочной доске. Липкие кусочки падают в тарелку.

– Уже переделала кучу всего, пока ты спал. Ты очень много спишь... У нас сегодня в десять, помнишь?

Муж вяло мнет сероватую массу ложкой.

– Ты помнишь, да?

– Да...

Тоня добавляет в кофе молоко и опускает в чашку металлическую трубочку. Она не уверена, есть ли у этой трубочки название. Гудит кофемашина. Мокрые пальцы скользят, и в спешке Тоне не сразу удается повернуть переключатель. Застонав, аппарат нагнетает пар, и бурая поверхность в чашке вспучивается. Выплеснув из себя совсем чуть-чуть, машина вздрагивает в конвульсиях. Тоне становится смешно.

Ей смешно, когда они едут в джипе. За окном намазанные солнцем деревья. Коробка листаает передачи.

– Что? – спрашивает муж.

– Да так, ничего. Вспомнила, как ты сказал, что хочешь купить джип, а я спросила: какой марки джип? – Тоня пролистывает что-то в телефоне. – А ты так и ответил: джип. Смешно...

– Не знаю... – говорит муж. – Тебе весело?

– Так. Я вообще очень позитивный человек... – Улыбаясь, Тоня смотрит на часы. – Вчера хотела записаться через интернет, но там есть время

только на среду... Пришлось отправлять запрос на почту, но я не думаю, что они на выходных прочитали. Так что надо успеть, они работают с десяти...

– Без записи не примут.

– Почему ты все время каркаешь? Этот пессимизм... Просто надо верить, и все получится! О, какая красивая... – Сделав звук радио погромче, она подпевает. – Да... Это моя музыка... Да...

Муж думает, что молчание – как стекло в телефоне. Его наклеивают на экран, а отдирается оно с тихим хрустом. Сделано так, чтобы осколки повисли на пленке.

Тоня покачивается в такт музыке, улыбаясь.

– Сегодня ты ярко нарядилась...

– Ты просто не замечал. – Тоня смотрит в зеркало. – Я всегда так ходила. Не хочу быть серой мышкой! Я по природе боец, а не насадка, которая...

– А что кричишь?

– Я не кричу. У меня прекрасное настроение. – Тоня опускает стекло, и утренний кислород проникает в салон вместе с пиликаньем светового фара. – У меня всегда прекрасное настроение! Просто ты...

– Смотри, дети идут в школу. – Муж показывает на переход.

– Да, я вижу. Такие нарядные, с цветами... Кстати, я уже заказала букет маме, ей будет приятно. Сегодня должны привезти.

– Первое сентября. Я и забыл...

– Надо позвонить, поздравить... Да прямо сейчас и поздравлю! Почему я все время откладываю? – Тоня набирает номер. – Как это ты мог забыть? А ты свою маму поздравил?

Включив поворотник, муж перестраивается направо.

– Как всегда, – говорит Тоня. – Позвони, ей будет приятно. Не откладывай... Привет! Алло... Привет, а я знаю, какой сегодня день! У кого сегодня праздник? А? С днем учителя, ура-ура! Желая тебе солнечной погоды, никогда не грустить, следить за собой, вот... не есть вреднятины, не толстеть и всего-всего-всего! Ми-ми-ми!

Муж слушает, как едва уловимо смеется из динамика Тонина мама. Приглушив музыку, он нажимает на кнопку. Аварийка тикает, дробя осень на отрезки. Небо уже всосало в себя часть тепла. По улице в крыльях машин скользит пустое солнце. На другой стороне из-за ограды Академии связи имени Буденного смотрит на мир Александр Второй. Мужу кажется, что нет никакой связи, только про-

Тонкое тело обтянуто
черной футболкой
с надписью Star
Wars. Покачиваясь
с носка на пятку,
она приподнимается
на цыпочках, замирая:
кроссовка – нагая нога –
небо. Дрожит на юбке
бахрома их кожаных
полосок. Иногда Тоня,
чуть запрокинув голову,
смеется. В мочках золотые
леопарды, леопарды кусают
кольца, леопард на пальце
блестит, прижав уши.
И сама она хрупкий леопард
в расстегнутом кардигане –
поправляет тонкую шерсть
с черными пятнами.

странство, расчерченное металлическими линиями
на равные части. И все же они похожи – красный
маршал и освободительный царь, похожи своими
усами, которые тоже линии из прошлого в будущее,
делящие время горизонтально. А значит, у времени
есть не только это мерцание оранжевым, но и верх
и, наверное, низ...

«Тик», – произносит аварийка.

– У меня все очень хорошо. После обеда забираю
билеты в Крым. Да... – говорит Тоня. – Купила но-
вый купальник, вот... Хочу танцевать у моря и за-
горать!

Она смеется.

Включив задний ход, муж начинает движение,
плавно выворачивая руль.

«Так», – шелкает аварийка.

– Да. Я тебе сразу позвоню, как долечу. Конечно...
Ну все. И не запускай себя больше! То фото, что
ты скинула, – это просто ужас! Это потому, что
ты ешь что попало...

Муж встраивается в просвете между машинами.
Возле входа в небольшое двухэтажное здание – оче-
редь.

– А кто последний? – спрашивает Тоня.

– Вы по записи?

– Да, я по записи, я записалась через почту...

– Тут по списку вызывают... По несколько человек
из-за «короны»...

– А-а-а... Понятно, – говорит Тоня. – Интересно...

Горстка людей смотрит на дверь. В небе синева
расползается по холодной горизонтали. Это тоже
линия, отмеренная отрезками на вчера и сегодня.
И где-то посредине вертикаль – осень.

Еще нет желтизны, но люди не замечают, пото-
му что люди в очереди скучны. Тоня разговаривает
со стариком. От него пахнет мылом. Зажав под мыш-
кой папку, он рассуждает о вирусе. «Да... Ну конечно.
Так и есть», – громко соглашается Тоня. Тонкое тело
обтянуто черной футболкой с надписью Star Wars.
Покачиваясь с носка на пятку, она приподнимает-
ся на цыпочках, замирая: кроссовка – нагая нога –
небо. Дрожит на юбке бахрома их кожаных полосок.
Иногда Тоня, чуть запрокинув голову, смеется.
В мочках золотые леопарды, леопарды кусают коль-
ца, леопард на пальце блестит, прижав уши. И сама
она хрупкий леопард в расстегнутом кардигане –
поправляет тонкую шерсть с черными пятнами. Ру-
кава обрамлены зеленым, а на левом запястье часы
с Микки-Маусом. Мышонок, пританцовывая, показы-
вает время. Тоня постукивает два раза по экрану.

– Десять часов восемнадцать минут! – пропева-
ет Микки и залиvisto смеется. – Доброе утро!

– Доброе утро, – нежно повторяет за ним Тоня.

Чуть улыбнувшись, она поворачивается к женщи-
не у самой двери:

– А вы за чем стоите?

Волосы женщины выкрашены в рыжий, у корней
проблескивает седина.

– Что? – переспрашивает она.

– А вы за чем стоите?

– Да вот... – Чуть приподнимаются уголки губ. –
Пришла за свидетельством о смерти...

Ветер едва шевелит ее испорченные химией кудри.

– Прикольно... – говорит Тоня.

Помолчав, она добавляет:

– То есть...

– Десять часов двадцать одна минута! – радуется
случайному касанию Микки, притоптывая ножкой.

Из дверей появляются руки, и сухой голос спрашивает:

– Патрушевич здесь? Так... Кто еще на половину одиннадцатого?

Тоня прерывисто объясняет, что записи через «Госуслуги» не было, и она звонила, но не дозволилась, поэтому отправила письмо на почту, а вообще ей обязательно нужно именно сегодня, и что у нее уже через интернет оплачена пошлина:

– Вот распечатка...

Муж думает о том, что плитка под ногами перпендикулярна поребрику, а асфальт на проезжей части продавлен колесами машин и образует едва заметную волну так, что геометрия испорчена навсегда, и не остается ничего иного, как непрерывно смотреть на разделительную полосу, где, накалившись до боли в глазах, сияет солнце.

Под напором Тони их пропускают внутрь и оставляют сидеть на обитой дерматином скамейке. Кожзам скользок на ощупь. Муж закрывает глаза. Разделенные голоса почти неразличимы. Он пытается сосредоточиться на изнанке век.

Вскоре Тоня зовет его в кабинет, и они садятся друг напротив друга. За столом остролицая девушка перебирает бумаги.

– Вот, – говорит Тоня. – Пошлину я оплатила.

– Паспорта, пожалуйста. Так...

Остролицая впечатывает текст. Клавиши двигаются под пальцами, пластик мягко уходит вниз – на экране, который ни Тоня, ни муж не видят, появляется символы кириллицы. Комната напоминает бутылку бесцветного стекла, заполненную светом.

– Совместные дети есть?

– Нет-нет, – отвечает Тоня. – Детей нет, но я хочу...

А когда можно будет получить этот документ, который выдают...

– Свидетельство?

– Свидетельство. Да, я знаю...

– Ну, где-то через месяц. Может быть, чуть больше – сейчас все расписано. Точнее скажу, как оформим. Фамилию сохраняете?

– Нет, хочу старую...

– Тогда пишите здесь на бумажке разборчиво.

Ручка не пишет, и приходится повторять уже проведенные линии по несколько раз. Закончив, Тоня откидывается на спинку стула. Чуть улыбаясь, она рассматривает что-то на потолке.

– У вас тут очень красивая лепнина... узор...

– Здание старое...

– Я знаю. Да... Очень красиво...

Остролицая хмыкает.

– А вы здесь давно работаете? – спрашивает Тоня.

– Несколько лет. Сейчас я распечатаю заявление, и вам вдвоем нужно будет подписать...

– Да. Я знаю...

Тоня то сдвигает, то разводит колени, не замечая, как задралась юбка.

– А я завтра поеду в Крым, – говорит она.

– Завидую вам...

– Да... Я уже была там по обучению, а теперь хочу отдохнуть...

Муж смотрит на кружевную полоску у нее между ног.

– У тебя там все видно... – тихо говорит он.

Блуждая взглядом по комнате, Тоня спрашивает:

– У вас, наверное, очень много людей за день проходит?

– Бывает... – не отрывается от компьютера остролицая.

– С утра с людьми, это очень сложно...

– У всех свои запросы. Некоторые просто кричат, требуют. Иногда просто удивляешься...

– Да! – соглашается Тоня. – Я понимаю... И каждый что-то хочет на определенных эмоциях и нужно с каждым коммуницировать! Вы молодец...

– Спасибо...

– Да... Вы молодец.

Принтер дребезжит, прокатывая роликами белые листы. Муж думает, что если быстро провести по краю кончиком пальца, то выступит кровь. Тонкий порез также получается, если провести по коже липкой зеленой травинкой...

Пахнет нагретым тонером.

– Это ваше заявление. Нужно, чтоб подписали оба, – говорит остролицая. – Здесь и здесь...

Когда они едут в машине, Тоня повторяет список. Пляжное полотенце. Коралловый купальник. И еще второй, новый. Сумочку с Микки. Умывалку для лица. Платья: темное с грибочками, голубое. Отсолнечные очки. Новые футболки и футболку с Барби. Босоножки... Надо еще успеть купить красивые шлепки, чтобы ходить на пляж...

– Что? – переспрашивает Тоня.

– ...Успеваем к двенадцати. В двенадцать у нас назначено, забыла? – говорит муж.

...Зубную пасту с кальцием, как сказала стоматолог. Щетку. Носочки – несколько пар. Пижаму с тиграми, чтобы спать...

– Нет, я помню... Только для чего это? Мне это совершенно не нужно...

– Мы же договорились...

– Да, но ты не понимаешь! В два я забираю билеты, вечером у меня вебинар, а потом еще всю ночь собираться. У меня сумки...

Места у входа заняты силуэтами в бахилах, и Тоня проходит в коридор, где можно сесть у кулера. Муж нажимает на кнопку. Качает помпа, и Тоня наблюдает за тем, как что-то рывками всасывает воду. С чавканьем оно заглатывает ее внутрь себя, а на поверхности внутри бутылки возникают пузырьки. Не очень различимые под обрывками полиэтилена, они набухают и лопаются. Лопаются и набухают, а в бесцветном стаканчике появляется вода с неприятным запахом. Тоне кажется, что это смешно. И все же в этом есть связь. Все связано, даже бульканье, вода и стаканчик. Из стаканчика она будет пить воду, а море – плескаться о берег. Оно прохладное и соленое. Под ярким солнцем Тоня укроет голову шляпой. А в темноте достанет термос, записанный в заметки. Тоня добавляет большим пальцем белое платье. В нем она будет танцевать, когда стемнеет... – Здравствуйте. Вы Антонина? – спрашивает кто-то приветливый.

Но муж поднимается первым. Он быстро говорит, что они пришли вдвоем. Кажется, ему нужно пойти с психологом, а уже потом вернуться за Тоней. Это не очень понятно. Приветливый отвечает из-под маски, что не против, если Тоня не возражает.

– Конечно, я подожду, – соглашается она.

Вещи она сложит в черный рюкзак. Тот самый, к которому муж приколот брошку. Белый зверек с мечом в лапках. «Такой же, как ты, – сказал он. – Снуснумрик». Но рюкзак совсем небольшой. Еще есть зеленая сумка с кожаной ручкой. Внутрь войдет спальный. Записать шампунь и, второй раз, отсолнечные очки, только другие, как в «Матрице»...

Слышно, как шелкают, ударяя печатями о бумагу, женщины за стойкой у входа. Кто-то смеется. Некоторое время Тоня сидит одна, пока не появляются пожилой мужчина с парнем лет двадцати. Оба одеты в костюмы из грубого коричневого.

– Жди тут, – говорит пожилой.

Он открывает дверь с табличкой WC и запирает ее внутри. Этих секунд достаточно, чтобы уловить едва различимый запах хлорки. Парень стоит, прижавшись спиной к стене. Бежевая рубашка без галстука застегнута на все пуговицы. Поверх – пиджак, чуть перекошенный на одно плечо. Место рядом с ним свободно.

– Садитесь, – говорит ему Тоня. – Вот здесь удобно...

Глаза парня едва заметны из-под очков. Он неподвижно рассматривает что-то в пустоте коридора. Кто-то по-вороньи кашляет в туалете. Раздаются звуки падающей воды, и пожилой выходит, встряхивая руками в воздухе. Он прикрывает дверь, но пространство уже заполнено хлором.

Список едва заметно слезится. Пожилой с парнем уходят, а Тоня добавляет в экран белое худи Levi's и два банана, которые она съест в автобусе. Но бананы теряют вкус. Она записывает влажные салфетки и туалетную бумагу, ощущая на губах хлорку. Вечером у воды она будет сидеть в футболке с Гарфилдом. От солнца надо взять крем, но у крема тот же запах...

Поднявшись, Тоня идет наугад по коридору, не отрываясь от телефона. Вкус дезинфекции расползается во рту. Она думает, что в поездке у нее будет с собой арбузный «дирол» и жвачка с миньонами. Тоня скачала игру: желтенький миньон бегаёт по лабиринту...

Смешно.

Лабиринт тоже продезинфицирован для гигиены. Для гигиены прокладка с тремя капельками. Резиночки для волос...

– Ты почему не ждешь? – натывается на нее муж.

– Там запах и...

– Пошли...

Приветливый приподнимается из-за стола, когда Тоня входит в кабинет. Он предлагает садиться и говорит, что его зовут Валентин Валентинович. Светлая обивка кресел шершава на ощупь. Кабинет заполнен зеленым древесным цветом.

– Как у вас здесь хорошо, – говорит Тоня. – Мне нравится...

– Спасибо...

– Да...

На небольшой подставке истекает паром увлажнитель воздуха.

– Я так понял, – говорит Валентин Валентинович, – что вы с мужем рассматриваете вариант развода...

Маска закрывает его лицо так, что видны только улыбающиеся глаза. Едва различимо откуда-то из-под потолка играет музыка.

– Мы не рассматриваем, – отвечает Тоня. – Мы сегодня подали заявление... А что это у вас за статуэтка? Милый медвежонок.

– Это дочка подарила...

– Очень красивый.

– Да. Спасибо... И все-таки что-то же вас подтолкнуло? Какие-то события?

– Нет, это уже давно. Это уже два года... Долго рассказывать. Просто тотальное непонимание...

Приветливый чуть наклоняет голову, и Тоня догадывается, что это не просто маска, а респиратор. «Я знаю», – думает она. Прямо в районе носа смешной нарост с отверстиями. Пластиковый клапан наминает пятачок...

– Вы улыбаетесь. Почему?

– Просто, – разводит руками Тоня. – Хорошее настроение, вот и все...

– А в последнее время с вами не происходило ничего волнующего?

– Нет. А что должно было происходить?

– Может быть, вы долго работали и переутомились... Стресс...

– Ну да... Я всегда много работаю, потому что я очень активная. Разве это плохо?

– Вы не ощущали какого-то излишнего внимания по отношению к себе?

– Да нет, – пожимает плечами Тоня. – С чего бы это?

– Или, например, слезки... Может быть, кто-то преследовал вас...

– Нет, – почти смеется Тоня. – Ничего такого не было.

– Ваш муж сказал, что когда вы вернулись с фестиваля...

– Да. Я знаю... Я была там на обучении...

– То у вас возникли опасения по поводу преследования. Какие-то люди подмешивали вам что-то...

– Подмешивали? – переспрашивает Тоня. – Нет...

– Такого не было?

– Слушайте, вы все неверно воспринимаете, – говорит она. – У меня были сутки без сна. Я очень устала после перелета, а вы это интерпретируете как...

– Вы ощущали за собой слезку?

– Вы меня не слушаете! Я же говорю, как все происходило. Я вообще не понимаю, к чему это... Как семейный психолог вы лучше спросите у него, – Тоня показывает на мужа, – как он...

– Да вы не волнуйтесь, – говорит Валентин Валентинович. – Мы же просто беседуем, чтобы начать с какой-то отправной точки. А сейчас вы как спите?

– Хорошо.

– Встаете рано?

– Я еще в студенчестве вставала рано. Для меня это органично. Это моя суть, понимаете, чтобы все успеть сделать, – говорит Тоня. – Я привыкла идти к цели, потому что я не деревяшка, которая ни бум-бум! У меня есть талант, и я поняла, что должна пользоваться им! Я встаю теперь рано. Это у него ритм: спать до обеда, а потом...

– Во сколько вы сегодня проснулись?

– Ну, где-то ближе к семи...

– А легли?

– Я не засекала. После двенадцати...

– После двенадцати?

– Ну где-то так...

– И все-таки, хотя бы примерно, во сколько?

– Слушайте, время в принципе понятие относительное, верно? Вообще если очень быстро двигаться, например, как в фильмах про инопланетян, то время будет другим. Время движется не только вперед, но и, кажется, как-то по наклонной, волнами, или как-то так... – говорит Тоня. – Сегодня ты можешь заснуть в одно время, завтра в другое. У каждого свои жизненные часы и биологические ритмы так устроены, что каждому нужно отдыхать какое-то время... У меня, например, было много работы, поэтому я и еду отдыхать. Я очень много работала, и мне теперь надо отдохнуть...

– Да-да... Это хорошо, как и относительность... – задумчиво произносит Валентин Валентинович. – И все же существуют вещи действительно относительные, насчет которых никто ничего определенного сказать не может, например, есть ли Бог или в чем смысл жизни, и есть вещи вполне конкретные...

– Я знаю, в чем смысл жизни.

Валентин Валентинович внимательно смотрит на нее.

– Знаете? – спрашивает он. – И в чем же?

– Я скажу, – говорит Тоня. – В этом нет ничего сложного. Смысл жизни в том, чтобы любить и поддерживать друг друга. В полной открытости. В полном доверии. Чтобы одно чувство на двоих. Это и есть настоящее. Как две горошинки в стручке... Вот в чем смысл жизни...

Посмотрев на кончики пальцев, она перебрасывает взгляд на собеседника.

– Это же просто. Вот и все...

Тоне кажется, что глаза Валентина Валентиновича похожи на два кусочка слюды. Солнце струится в них сквозь воду.

А речка так и называлась – Слюдянка...

«Я помню», – думает Тоня. Да...

– Хорошо... – Валентин Валентинович чуть наклоняется вперед. – Но дело в том, что ваш муж очень волнуется. Он считает, что вы испытываете сильный стресс из-за развода...

– Это у него стресс, – морщится Тоня. – Он вам просто не говорит. Вы даже не знаете, что у него...

– Возможно, но разговор сейчас о другом...

– Я чувствую себя прекрасно. Я пришла сюда только ради него...

– И все-таки он переживает... – повторяет Валентин Валентинович. – Вы снова улыбаетесь?

– Ничего... Просто у вас нос на маске похож на такой пятачок, знаете, как у свинок бывает... – показывает на себе Тоня.

- Да? – удивляется психолог.
- Да...
- Тонкая струйка пара вырывается из увлажнителя.
- А насчет развода, – говорит Тоня, – это ему надо помочь. Мы подали на развод, но мы не чужие. Я понимаю...
- Валентин Валентинович доброжелательно кивает.
- И все же вы сказали, что хотите отдохнуть от работы, – замечает он. – Мозгу нужно восстанавливаться...
- Конечно, организму, чтобы нормально функционировать, нужен отдых, – соглашается Тоня. – Это везде пишут. Я видела в одной передаче – брали интервью у людей после часа сна. Потому что наши клетки так устроены. Иначе они не работают, и чтобы...
- Все правильно, – говорит Валентин Валентинович. – У нас тоже есть специальная методика для обследования. Уж не знаю, как там по телевизору, но вполне современная. Единственная в городе. Ведь вы же хотели бы проверить, как у вас функционирует организм?
- Закинув руки за голову, Тоня ерошит волосы.
- Ну да... Только я завтра уезжаю, – говорит она. – Наверное, уже после возвращения, хотя у меня будет все занято...
- А хотите прямо сейчас обследоваться? – радуется Валентин Валентинович.
- Сейчас?
- Прямо сейчас. У нас есть такая возможность.
- Это было бы интересно... А много, ну... времени это займет?
- Нет, не очень. Сделаем несколько тестов, базовые обследования...

«Он покачивает пальцем, как дирижер», – думает Тоня.

- Здорово. Я хочу, – улыбается она. – А что надо делать?
- А я сейчас вам все покажу. – Валентин Валентинович встает из-за стола. – Пойдемте со мной.
- Пойдем, – говорит Тоня мужу.
- Нет, его мы пока оставим здесь, – мягко отвечает Валентин Валентинович, открывая дверь. – Подождите меня тут, хорошо?

Они идут по коридорам. Здесь сильнее, чем в кабинете, ощущается запах дезинфекции. Дотронувшись до стены, Тоня отмечает прохладу. Она ведет линию, двигаясь вдоль скользкой плоскости. Люминесцентное пространство однообразно. Коридоры уставлены дверьми; каждая с белой ручкой. Отчего-то Тоня представляет себе, как миньоны, только безлицые и серые, напоминающие огромные

таблетки «тик-так» своей окаменелостью, перекачиваются за каждым проемом. Массивные бока продавливают пол. И что-то едва заметно вибрирует под кальциевой оболочкой... Но если вдруг все откроется, думает Тоня, и всякая округлость выйдет наружу, то что же тогда делать, чтобы стало органично? Наверное, они будут катиться, а она бежать. Бежать, ощущая, как нарастает за спиной рокот. И только силуэты в бахилах, похоже, все так же будут перешептываться, глотая невкусную воду.

Смешно...

Валентин Валентинович открывает одну из дверей.

– Вот, сделайте, пожалуйста, кровь, тесты, как обычно... – говорит он. – Сейчас девушки начнут, а я чуть позже подойду.

Комната покрыта кафелем. Тоня садится на стул, и женщина в зеленоватом медицинском костюме говорит:

– Сейчас возьмем кровь. Процедуры не боитесь?

– Нет, – улыбается Тоня. – Я не боюсь...

– Отличненько. Поработайте-ка кулаком.

Тоня работает кулаком, пока в тонкую жилку на сгибе не входит игла. Пластиковая пробирка наполняется красным, но это почти не больно. Она течет медленно, как вода из банки с краской. Потом женщина в зеленом медицинском костюме говорит: «Вот и все...» – и перебинтовывает прокол. В соседнем помещении Тоню укладывают на кушетку и мажут чем-то резко пахнущим запястья, лодыжки и грудь, так что приходится снять лифчик.

– Все в порядке?

– Да, – отвечает Тоня. – Только запах...

Но ее уже обклеивают датчиками, подключая к небольшому аппарату. Теперь он связан с ее телом. По проводам проходят сигналы, соединяя пульс, дыхание и устройство, считывающее все это и записывающее в память и на специальную бумагу, где образуется кривая. Это неприятно, когда сбивается ритм. «Я помню», – думает Тоня. Но от процедуры только шиплет в запястьях и щеотно от присосок.

– У вас тут как в космической тарелке, – глядя на подвесной потолок, говорит Тоня. – Все в проводках...

Потом ей объясняют, что показания получились хорошие, и женщина в зеленом медицинском костюме ведет ее в соседний кабинет.

Что-то жужжит в сумочке. Тоня проводит пальцем по экрану:

– Да-да, – говорит она. – Конечно, я помню. У меня записано... Паспорт у меня с собой. Конечно, я заберу...

Ее усаживают на стул и надевают на голову сеточку из проводов. В дверях появляется Валентин Валентинович:

– Ну, как тут у нас?

– Все отлично, – улыбается Тоня. – У вас тут все очень хорошо обустроено. Прямо как на инопланетном корабле. Сплошная техника...

– Да-да, – радуется Валентин Валентинович. – Вот, запейте таблетку...

– А это зачем?

– А это для обследования. Сейчас будем смотреть мозг. Чтобы лучше считывать данные.

– А, понятно, – говорит Тоня. – Хорошо.

У воды медицинский вкус.

Женщина с морщинистыми руками долго поправляет проводки и что-то настраивает на компьютере.

– Сережки нужно снять, – объясняет она.

Два золотых леопарда, улыбаясь, опускаются в сумочку. Тоня гладит их по носам перед тем, как зашелкнуть замок.

– Сейчас будет немножко неудобно, – говорит женщина.

Тоне к волосам прикладывают что-то холодное и мокрое.

– Ну как?

– Неприятно...

– Чуть-чуть надо потерпеть.

Один за другим, отодвигая волосы, под сеточку крепят электроды.

– Как вы во всем этом не путаетесь? – удивляется Тоня. – Давайте я подержу.

– Нет-нет. Я сама...

Закончив, женщина снова подходит к компьютеру. Вздохнув, она щелкает несколько раз по кнопкам и чего-то ждет. Тоня думает, что вся эта связанность, все это спрятанное в изоляции электричество чем-то напоминает мышек, которых водят по лабиринту, пока они ищут свой сыр, а потом ударяют током...

– Сейчас, еще разок. – Женщина переставляет электроды.

После каждого перемещения она возвращается к экрану и, хмыкая, стучит по клавишам. Иногда электроды отваливаются, и тогда ей приходится снова смачивать их чем-то холодным и прикладывать к Тониной голове.

Будто прикоснулись железным шариком.

Женщина загораживает комнату, но Тоня замечает, что кафельные стены едва заметно посерели. Исчезла наполнявшая их глянцевоcть, и запах медицины, кажется, стал сильнее.

– Чем вы мажете мне там волосы? – спрашивает Тоня.

– Ничем, – отвечает женщина. – Это специально... Должен быть контакт, а контакта нету...

Контакта нету, думает Тоня. Она представляет себе контакт. Он должен быть железным и кислым, если положить его на язык. Таким осязаемым. Настоящим, как соленая вода. Отчего-то нет ничего более настоящего, чем соленая вода. Ночью она совсем черная, когда плещет о деревянный причал. Ты стоишь и покачиваешься вместе с ней. Это движение тоже танец, только танец другого рода. Нет ничего более шершавого, чем песок, когда наступаешь на него босой ногой, думает Тоня. И если зажгут огни, то все это придет в единство: море, босая нога и песок, сложатся, наконец, в одно плавное настоящее, которого у нее не было...

– Ну вот, – говорит женщина.

Выключив свет, она задвигает перегородку, отделяя себя от Тони. Слышно, как кто-то ворочается за компьютером, неестественно нажимая на кнопки. В полумраке бликуют лампы, вмонтированные в потолок, сделанный из гипсокартона. Наверное, и стены здесь из гипсокартона, думает Тоня. Но лучше не обращать на это внимание. Рисовать можно на бумаге. Она нарисует рассвет, как лето, хотя уже сентябрь. На деревянном настиле будут гулять коты. Можно гладить их мурчающую шерсть и смотреть в небо. Тоня старается не замечать, что из угла за ней наблюдает огонек. Цепкий огонек фиксирует ее стеклянным глазом. Слышно, как вентилятор перемалывает воздух за ширмой. Электроды нагреваются, Тоня чувствует импульсы, проходящие сквозь голову. Она пытается сосредоточиться на списке. Ей нужен был список, чтобы ничего не забыть для того, что произойдет на солнце. В нем были вещи: футболочка с Гарфилдом, Микки и соленая вода. Микки улыбается, он мышонок. А в сережках коты, но они добрые. Сетка из проводов вокруг головы испускает невидимые лучи, от которых становится тяжело удерживать мысли. Огонек пульсирует. Тоня думает, что ничего не сделала огоньку. Нужно просто немного потерпеть. В списке были полотенца, песок и еще одна футболка, с Барби. Их помещают в домики, одевают и следят за чаепитием. «Я помню, – думает Тоня. – Когда-то я хотела Барби, а теперь я сама – Барби». Тоня смотрит на ладони. У нее гнутся пальцы. Женщина с морщинистой кожей вздыхает за ширмой, как настоящая. Тоне хочется сказать, чтобы женщина не притворялась, но та жалобно скребется за перегородкой. В полумраке видно, что перегородка

совсем тонкая, потому что сделана из картона. Рядом с домиком кто-то, наверное, поставил ведро, и теперь хлорка струится в воздухе. От этого слезятся глаза. Они облучают голову, поэтому мысли искривлены. Их не так просто уловить, ведь у них нет прямого, только скользкость. Тысяча компьютерных змеек струится вверх, вперед, назад. Их хвосты блестящи. Следить за ними невыносимо. Тоня рвет пальцами проводки, чтобы не закричать, но горячие пластинки вросли в голову. Теплый гель скользит, и когда одна пластинка слетает, то слышен стук. Загорается свет, и кто-то распутывает ее коричневыми руками.

– Снимите их... – Тоне кажется, что голос едва звучит. – Не надо...

От кожи несет потом.

Ей дают воду, и женщина в зеленом медицинском костюме ведет ее по коридору.

– Все хорошо. Хорошо... Сейчас сделаем тестик.

Люди пьют из пластика. Шуршание рассыпается, когда они передвигают ноги. Лица сматы и почти не смотрят на нее. Стены монотонны. Стены извиваются углами, напоминая рисунок. Они заштрихованы карандашом, и пространство образуется сгибанием угла.

– Сейчас сделаем тестик...

– Я не хочу... – произносит Тоня. – Здесь... нехорошо...

– Только один...

– Нет... Я иначе... опаздываю, – повторяет она. – Мне надо забрать... билеты...

Тоня чувствует руку, поддерживающую ее под локоть. Рука сделана из горячей ваты и все время проваливается. Змейки искрятся по лабиринту. Тоня догадывается, что змейки и есть лабиринт, в котором гибнут спины. Зачем они?

В одном сгибе открывается дверь.

– Вот, – говорит женщина в медицинском костюме. – Отказывается дальше тестироваться...

Муж и Валентин Валентинович поворачивают головы.

– Они что-то сделали... лучами, – объясняет Тоня. – Они... что-то... и мне... плохо...

– Ничего-ничего, – поднимается Валентин Валентинович. – Последнее исследование – и мы вас отпускаем...

– Они меня... облучали... – говорит Тоня мужу.

– Осталось совсем немножко, вы же не хотите, чтобы все пошло насмарку, верно?

На пальце у Валентина Валентиновича кольцо, но Тоня знает, что оно ненастоящее.

– Там лучи... – повторяет Тоня. – Я хочу... уйти...

– Да-да. Чуть-чуть осталось потерпеть. Это ерунда... Ну что вы смотрите на нее? – обращается Валентин Валентинович к женщине в медицинском костюме. – Ведите наверх, я сейчас подойду...

– Они фальшивые... – говорит Тоня мужу. – Я не хочу больше...

– Пойдем-пойдем... – подхватывают ее под локоть.

– Здесь... Вы не... понимаете. Мне надо... ехать...

Ее ведут по коридорам.

– Мне надо... – повторяет Тоня.

Они поднимаются по лестнице.

– Куда вы... Куда...

Они поднимаются по лестнице, но Тоня знает, что под ступенями ничего нет. Только видимость. Там воздух и нет никакого основания.

– В первую, в первую, – говорит кто-то.

Комната выкрашена белым. А у металлического изголовья торчит что-то растопыренное с пластиковым пакетом.

Тоня зажимает ладонью рот.

– Что такое? – спрашивают у нее.

Она мотает головой из стороны в сторону.

– Ну что?

– Хлорка... – задыхается она.

– Сейчас-сейчас, – говорят ей, разламывая стекло.

– Это... зачем?

– Все хорошо, не волнуйся...

Прозрачная жидкость всасывается из ампулы. Тоня пытается нащупать в сумочке экран. Кажется, он вымазан в геле или еще в чем-то теплом. Рука скользит, и не сразу понятно, где верх.

– Она звонит, – бросает кто-то.

Тихие гудки.

Раз...

Два...

– Это для исследования, – улыбается из-под маски Валентин Валентинович.

Три...

– Билеты... – пытается объяснить Тоня.

Четыре...

Муж не берет трубку.

– Я не хочу... – говорит Тоня.

Немного больно.

И впрыскивается тяжесть. Подступая к горлу, тяжесть наклоняет голову. Все куда-то поднимается, и Тоня видит, как в домике сдвигают потолок. Картонные плиты разезжаются, обнажая алюминиевые огрызки. Перфорированные пластины торчат, и становится ясно, что над ними ничего нет. Кто-то наблюдает за чаепитием. Но только кажется, что там небо. На самом деле это вода, понимает Тоня, и нет никаких облаков. От воды горячий песок становится...

бликуя оконным стеклом клиники, но этого муж уже не видит – ему навстречу распаивается улица с двусторонним движением. Плотные потоки автомобилей движутся, разделенные нарисованной полосой. Работает отбойный молоток. Он стучит всю дорогу, даже когда заканчивается линия разломанного асфальта, растянувшаяся вдоль тротуара. Он стучит, когда муж выходит из джипа, хотя никаких строительных работ напротив Академии связи имени Буденного нет.

В помещении почти никого не осталось, и пахнет микроволновой разогрежкой. В коридоре старушка мнетя, вставляя купюры в автоматический приемник. Остролицая девушка рассеяно переводит взгляд на мужа, когда он заходит в кабинет. Монитор отвернут от посетителей так, что виден кусок черного шнура, уходящий в столешницу, и мелкие царапинки на пластике возле вентиляционных отверстий. Девушка ищет что-то в папках, а потом долго советуется с кем-то по телефону. Муж наблюдает, как солнце нагревает листья оставленного на окне растения.

– Искусственный? – спрашивает муж.

– Нет, почему? – отвлекается остролицая. – Это мой спатириллум. Цветок женского счастья... Вот здесь не забудьте поставить дату.

Чернила засохли, и приходится расписывать стержень, прежде чем накорябать инициалы. Остролицая проверяет бумагу и что-то прикалывает к ней степлером.

– Вы точно решили? – спрашивает она.

– Да, – отвечает муж.

Белые лепестки вырастают в цветоножку и похожи на перья.

– Тогда через месяц приходить не обязательно...

– Заявления достаточно?

– Да. Расторжения не будет, если вы опять не передумаете...

Муж смотрит на неподвижные листья спатириллума.

Слышно, как струится вода, когда муж заходит в квартиру. Натяжной потолок едва заметно дрожит от сквозняка. В полутемной прихожей муж спотыкается о Тонины босоножки. Включив в туалете свет, он долго наблюдает, как тонкая струйка подтекает в чашу унитаза из сливного бачка. Прозрачная змейка в точках ржавчины. Движение едва различимо. Нажав смыв, муж идет на кухню и включает чайник. Отметка воды ниже допустимой, и чайник гудит, нагревая остатки. На металлической ручке духового шкафа аккуратно просыхает полотенце. Посредине стола – яблоки. Тонкая нарезка потем-

нела на блюде. Муж смотрит, как солнце тускнеет в стальной раковине. За окном вскрикивают дети. В холодильнике на средней полке Тоня поставила кастрюлю. Под стеклянной крышкой застыла каша. Ее плотная серость заполняет металл. Чайник отщелкивает кнопку, и становится слышно, как журчит вода. В сливе унитаза всегда стоит вода. Когда нажимаешь на кнопку – из бачка проливается поток, а потом все должно замереть. Но слив подтекает. Муж еще раз спускает воду и, прикрыв дверь туалета, идет в спальню. Он стягивает джинсы, потом футболку и носки. Скомканная одежда остается на полу. Под пятками чуть липкая гладкость ламината. Стоя в одних трусах, муж смотрит, как в стеклах здания напротив отражается облачность. Окна уперты в девятиэтажку, и почти все место занимает облицованная серыми панелями стена. Только небольшой кусок пространства сверху отдан под небо. Двухспальную кровать Тоня застелила зеленым покрывалом. От ткани по телу пробегают мурашки. Бархат расшит точками – Тоне осталось доделать немного. Сбросив покрывало на пол, муж смотрит в зеркало. Волосы линией спускаются от груди к пупку. Три черные родинки напоминают клешей, насосавшихся крови.

Муж ложится на простыню. Слышно, как кто-то с визгом пробегает по потолку, а потом наступает тишина. Кажется, что потолок едва заметно дрожит от натяжения. Если встать на стремянку, то можно проткнуть поливинилхлорид пальцем. В телевизоре обесточенный экран. Рядом статуэткой носорогов, затемненные Тоней под бронзу: мальчик и девочка.

У девочки на голове засохший лепесток.

Муж закрывает глаза.

Окна закрыты, и за полированным стеклом больше не слышно улицы. Лиловые разводы под веками. Двухспальный матрас холодит спину, а в стороны от него уходит пустое место. Тишина расплзается по квартире, как опухоль.

Муж лежит голый.

Едва различимая струйка воды подтекает в чашу унитаза.

